

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Казакова Александра Альбертовича «Культурогенетические и миграционные процессы на территории Лесостепного Алтая в I в. до н.э. – VIII в. н.э. (по археологическим источникам)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология

Рукопись диссертационной работы внушительных размеров – 906 страниц. Состоит из трех томов: 1 том Текст 502 стр.; 2 том Приложения 1–3 205 стр.; 3 том Приложения 4–6 198 стр. Сразу встает вопрос. Почему Приложения 1–6 не сведены в один том (2)? Структура тома 1 (Текст) диссертации логически обоснована. Она состоит из введения, пяти глав с выделенными в них разделами, заключения, списка сокращений, а также источников и использованной литературы.

Во введении автор аргументирует актуальность темы диссертационного исследования, оценивает степень её разработанности. Формирует цель и задачи, а также описывает объект и предмет исследования, определяет его территориальные и хронологические рамки. Описывается методология и методы исследования, а также база источников. Последняя представлена материалами с 224 памятников, на 53 из которых автор диссертационной работы лично проводил полевые археологические исследования, что указывает на его не только теоретическое, но и практическое знание исследуемых источников. Здесь же дается характеристика научной новизны работы и оценивается её теоретическая и практическая значимость, степень достоверности и апробация результатов исследования. Прописанные в введении положения, выносимые на защиту, сформулированы грамотно и возражений не вызывают.

Глава I «Современные тенденции в изучении археологических памятников лесостепного Алтая конца I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.» состоит из 4 разделов. В первом разделе повествуется об «общих проблемах изучения древней и средневековой истории лесостепного Алтая и сопредельных территорий». В целом, этот раздел вполне правомерен. Можно согласиться с автором о не линейном развитии археологических культур и использовании всего многообразия методик и подходов к изучению археологических материалов с условием их корреляции для получения более качественного результата исследования. Во втором разделе описываются «проблемы изучения кулайской культуры», где автор обозначил ряд проблем и констатирует, что «в настоящее время уже сложилась достаточно целостная картина развития кулайской культуры на территории лесостепного Алтая, но все эти сведения разбросаны по многочисленным публикациям и требуют обобщения». В третьем разделе освещаются «проблемы изучения эпохи Великого переселения народов и одинцовской культуры». Автор, описывая проблемы высказывает гипотезу, что гуннские погребения и материалы «полихромного стиля» могут являться свидетельствами проникновения тюркоязычных групп населения, смешение которых с самодийскими аборигенами положило начало формированию одинцовской культуры в лесостепном Алтае и началу процесса тюркизации. Последнее может быть гипотезой, так как вопрос о начале тюркизации Верхнего Приобья остается открытым. В этой связи очень жаль, что автор в четвертом разделе «Проблемы изучения майминской культуры» не рассматривает вопрос тюркизации, хотя называет носителей этой культуры мигрантами «с уже готовыми культурными традициями из других регионов».

Вторая глава «Алтайский вариант кулайской культуры: формирование базового культурного компонента (конец III в. до н. э. – первая половина IV в.)» состоит из четырех разделов. В первом исследуются «Поселения», методами картографирования, дается характеристика экологического

окружения, выделяются «четыре группы крупных закрытых хозяйственных комплексов внутри алтайского варианта кулайской культуры, ... каждая такая группа являлась структурной единицей более крупного социального организма». Этот раздел выполнен грамотно с большой долей новизны в исследовании и выводов. Хорошо описываются и систематизируются материалы по планиграфии поселений и городищ, конструктивных особенностях жилищ. Выделенные, по результатам диссертационного исследования, особенности домостроительной традиции населения алтайского варианта кулайской культуры (стр. 72–73), возражений не вызывают и представляют собой весомое научное достижение в археологии Западной Сибири. Второй раздел посвящен «Погребально-поминальным комплексам», где аргументируется точка зрения о более раннем происхождении погребений по обряду ингумации и более поздним кремаций на стороне. Первые отождествляются с саровским этапом I в. до н. э. – II в. н. э., а вторые с фоминским I в. – первая половина IV в. Общая характеристика погребального обряда с выделением культурных признаков на стр. 98 возражений не вызывает и является хорошим вкладом в изучение погребального обряда кулайской культуры на Алтае. В третьем разделе «Керамический комплекс» весьма ценными являются наблюдения по эволюции форм сосудов, когда прослеживается тенденция к уменьшению высоты сосуда по отношению к диаметру его устья и появление тенденции к горшковидности на протяжении трех этапов развития кулайской культуры (стр. 107). Последующее исследование форм венчиков, элементов и мотивов орнамента позволили исследователю выделить три хронологические группы памятников алтайского варианта кулайской культуры – бочановский, саровский и фоминский. Четвертый раздел посвящен исследованию «хозяйственной деятельности», где автор делает вывод о преобладании присваивающих отраслей: рыболовство, охота, собирательство, и вспомогательной роли скотоводства (преимущественно коневодство и

собаководство). Все разделы второй главы имеют признаки обобщающего исследования и представляют собой новые знания.

Глава III «Эпоха Великого переселения народов: лесостепной Алтай в составе гуннской ойкумены (вторая половина IV в. — первая половина V в.)» состоит из четырех разделов. В вводной части автор уже до начала исследования констатирует, что «события Великого переселения народов запустили в лесостепном Алтае культурогенетические процессы, приведшие к сложению одинцовской культуры», хотя это еще предстоит доказать. В первом разделе «Памятники эпохи Великого переселения народов» приводятся описания археологических объектов Западной и Южной Сибири, где были найдены изделия гуннского типа, выполненные в полихромном стиле, что позволяет обозначить ареал их распространения на востоке, в том числе и в лесостепном Алтае. Второй раздел посвящен систематизации элементов «погребального обряда». В третьем разделе исследуются «Изделия полихромного стиля», что позволяет найденные на восточной гуннской периферии и Алтае артефакты связывать с азиатскими гуннами. Четвертый раздел освещает «Проблемные вопросы интерпретации источников», где автор приходит к выводу, что лесостепной Алтай находился в сфере влияния прозападных гуннов, что привело к появлению инноваций, приведших к трансформации фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры в сошниковский этап одинцовской культуры. Глава написана новаторски в контексте общемировой истории с поиском широкого круга аналогий за пределами степного Алтая.

Глава IV «Одинцовская культура и залесовский тип памятников: процессы культурной трансформации (вторая половина IV в. — VIII в.)» структурно повторяет вторую главу и состоит из четырех разделов. В первом разделе «Поселения» проведена работа по картографированию мест проживания и исследованы их топографические и планиграфические особенности. На этой основе выделены три типа памятников, обоснована

категория домовладение по археологическим материалам и высказаны гипотезы о социальной организации «одинцовского» общества. Дана характеристика культурного слоя, систематизированы данные по конструкции жилищ и предложена их реконструкция. В конце раздела приведены 20 позиций обобщений автора, которые достаточно хорошо аргументированы в исследовании. Второй раздел посвящен «Погребально-поминальным комплексам», где систематизируются элементы-признаки и на основе статистического анализа делаются важные выводы по их эволюции. Хорошо прослежена динамика изменений по форме и ориентации грунтовых могильных ям и погребенных в них людей, встречаемость различных категорий инвентаря и его отсутствие по этапам развития одинцовской культуры. Автор выделяет группу погребальных памятников VI–VIII вв. – Горный 1, Чумыш-Пережат и Страшный Яр 1, которые относит к альтернативной культурной принадлежности одинцовского времени и приводит их характеристики, подтверждающие их отличие от одинцовских. Последнее, позволило автору выделить самостоятельный залесовский тип памятников и констатировать параллельное развитие двух культурных образований. В третьем разделе исследуется одинцовский «керамический комплекс» по форме, элементам и мотивам орнаментации и технико-технологическим особенностям изготовления. Анализ керамического комплекса позволил установить его большую схожесть и однородность (единокультурность) и отметить характерные черты его развития на трех этапах развития культуры. Исследование керамической посуды из залесовского типа памятников подтвердило её культурную самостоятельность. В четвертом разделе рассматривается «хозяйственная деятельность». Констатируется преобладающее начало присваивающих форм: охоты, рыболовства и собирательства с наличием производящей отрасли – коневодства и сопутствующими домашними производствами. В пятом разделе дается развернутая «характеристика основных

культурообразующих признаков». Были выделены всеобъемлющие «модальные» и единичные «новационные» признаки для одинцовской культуры и залесовского типа памятников, что подготовило почву для перехода к пятой главе диссертационного исследования.

Глава V «Культурно-исторические процессы на территории лесостепного Алтая» состоит из трех разделов. В первом разделе исследуются «миграции северных племен на рубеже эр и сложение алтайского варианта кулайской культуры». Высказывается гипотеза о миграции в I в. до н.э. на территорию Алтая саровского населения кулайской культуры с территории Томского Приобья. Оно заселило лесное правобережье и спровоцировало появление фоминского этапа алтайского варианта во II–III вв. На основе археологических и современных генетических исследований автор утверждает, что кулайское население Алтая было самодийским. Второй раздел исследует «культурные трансформации в эпоху Великого переселения народов и формирование одинцовской культуры». Автор проводит сравнительный анализ «основных культуурообразующих признаков (строительные традиции, погребально-поминальная обрядность, керамический комплекс и инвентарный комплекс) и делает вывод о появлении новой (одинцовской) культуры на территории лесостепного Алтая, сформированной на культурной основе алтайского варианта кулайской культуры. По его мнению, это обусловлено эпохальными переменами на всем пространстве Евразии и связано с эпохой Великого переселения народов определившей влияние основных культуурообразующих признаков азиатских гуннов и культур Западной Сибири, сложившихся на посткулайском культурном пространстве – верхнеобской, релкинской и потчевашской. В третьем разделе «миграционные процессы в раннем Средневековье и появление залесовского типа памятников» автор высказывает гипотезу о появлении памятников залесовского типа в результате миграции «крупной группы населения, принадлежащего,

вероятнее всего, потчевашской или релкинской культуре, по крайней мере ярко выраженного лесного облика».

В Заключение автор констатирует, что диссертационное исследование позволило выдвинуть ряд гипотез, дополняющих знания об истории лесостепного Алтая во II в. до н. э. – VIII в. н. э., и переосмыслить на основе единого объединенного массива источников некоторые представления об этом периоде. После чего перечисляет достигнутые результаты (создание базы данных, системный анализ с применением статистических, технологических и др. методов мест проживания, поминально-погребального обряда и инвентаря, создание культурно-генетических схем и др.) которые можно отнести к категории фундаментальных. На этой основе исследовались направления культурных связей и компонентов участвующих в процессах культурирования, была высказана и аргументирована гипотеза о трех волнах миграций на территорию лесостепного Алтая.

Список источников и литературы весьма внушительный. Он насчитывает 997 наименований и свидетельствует о хорошем знании диссертантом теории археологии и материалов практических исследований по теме работы.

В целом, диссертационную работу А.А. Казакова можно охарактеризовать положительно. В археологии юго-западной части Западной Сибири давно назрела необходимость большой обобщающей работы на стыке исторических эпох раннего и позднего железного века. Актуальность заключается в том, что вопросы культурной преемственности археологических материалов этих эпох мало исследованы специалистами. Накопилась большая база источников, требующая своего изучения, но в силу развития археологического знания наблюдается малое количество специалистов способных работать с источниками разных исторических эпох. Диссертанту можно поставить в заслугу, что взялся за эту сложную актуальную работу и достойно её завершил.

Структура диссертационной работы логичная, научно обоснована. Направлена на достижение поставленной цели и решение задач, перечисленных во введении. Повествование выдержано в хронологической последовательности с исследованием системообразующих информационных блоков источников, выстраиванием научных гипотез и общей концепции.

Выводы автора по каждому разделу диссертации и в заключении хорошо обоснованы. Многие из них сделаны на основании сравнительного анализа с использованием разнообразных статистических методов исследования. Для лучшего обоснования выводов привлекались методы естественных наук, картографический материал и большая база археологических источников. Такой системный подход позволил значительно поднять планку достоверности полученных результатов и сформировать обобщающую концепцию культурогенетических и миграционных процессов на территории лесостепного Алтая в I в. до н.э. – VIII в. н.э. При этом сам автор в заключении утверждает, что отдельные положения сформулированной им концепции «требуют дальнейшей более детальной разработки и будут в результате последующих исследований, вероятнее всего, конкретизированы, некоторые, возможно, и пересмотрены, что неизбежно при дальнейшем накоплении базы источников и развитии методов исследований». Можно добавить, что его работа будет стимулировать и служить фундаментом для последующих исследований по этой теме.

Новизна исследования заключена в систематизации большого объема источников, описанных и системно исследованных по различным единообразным методикам. Новым является обоснование выделения алтайского варианта кулайской археологической культуры. Впервые исследована большая коллекция керамической посуды кулайской культуры, что позволило обосновать периодизацию алтайского варианта кулайской культуры и выделить бочанцевский, саровский и фоминский этапы. Была сформирована новая гипотеза о начале массового заселения племенами

кулайской культуры лесостепного и маршрутах миграции кулайских племен на территорию лесостепного Алтая. Новым является обобщение автором материалов по эпохе Великого переселения народов связанных с культурогенетическими и миграционными процессам в лесостепном Алтае. Новой является гипотеза о воздействии новаций «гуннских мигрантов» на культурный комплекс племен фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры в результате чего была сформирована одинцовская культура. Новым является подход «нелинейной интерпретации древней истории», что позволило автору в период бытования одинцовской культуры на лесостепном Алтае констатировать наличие еще одного культурного образований – залесовский тип памятников VI–VIII вв. Новым является сам факт исследования большого количества новых материалов из раскопок автора диссертации и добытые им в архивах и музейных фондах.

Диссертационное исследование Казакова А.А. имеет большую ценность для теории и практики археологических исследований. Теоретическая ценность состоит в появлении новой обобщающей концепции культурогенетических и миграционных процессов на территории лесостепного Алтая в I в. до н.э. – VIII в. н.э. Она в свою очередь приведет к появлению новых научных разработок по этой теме и будет их теоретической базой. Кроме этого, результаты исследований можно использовать при написании обобщающих работ по древней и средневековой истории Алтая, Западной Сибири и Центральной Азии. Практическая значимость состоит в том, что результаты картографирования, наблюдения за расположением археологических объектов можно использовать при проведении целенаправленных полевых археологических исследований. Апробированные автором методики и подходы к изучению археологических источников могут быть использованы другими исследователями.

Автор диссертации работал над темой диссертационного исследования свыше 30 лет и за это время опубликовал более 80 научных работ, где была

представлена достаточно полно информация о проводимых им исследованиях по теме диссертации. В их числе 24 статьи в изданиях ВАК, 2 авторских и 13 коллективных монографий, а также в статьи и тезисы докладов. Можно отметить активное участие автора в работе научных конференций разного уровня, на которых он докладывал и обсуждал результаты своих исследований по теме диссертации.

Автореферат диссертации написан хорошо и достаточно полно передает основное содержание диссертационного исследования Казакова А.А.

При изучении диссертационного исследования у меня возникли отдельные вопросы и замечания. Во введении в разделе актуальность автор, указывая на то, как хорошо изучены сопредельные со Степным Алтаем территории, забыл указать фундаментальные работы по Томскому Приобью и Кузнецкой котловине (Плетнева Л.М., Беликова О.Б., 1983; Ширин Ю.В., 2003; Илюшин А.М., 2005). Позволю не согласиться с автором, который здесь же повествует об аксиоме, что территории лесостепного Алтая были очагом культурогенеза, в котором в результате взаимодействия различных культурных составляющих формировались новые культурные образцы, распространившиеся на другие регионы Южной и Западной Сибири, определяя их дальнейшее историческое развитие. По-моему, это только гипотеза, которую автор должен доказать в своей работе. В этом же разделе автор забыл указать на не заурядные работы обобщающего характера, выполненные на материалах лесостепного Алтая (вторая половина IV в. — VIII в.) (Сайберт В.О., 2022; и Кунгурова Н.Ю., Абдулганеев М.Т., 2019). Во введении автор позиционирует лесостепной Алтай как центр этногенеза юга Западной и Южной Сибири, где происходили, слабо исследованные, но при этом «основные процессы смешения культурных традиций», последствия которых уже можно наблюдать на периферии. На мой взгляд, это можно назвать «культурно-региональным детерминизмом», который не мог иметь место в реальности. Исследования многих авторов и материалы раскопок

указывают на схожие этнокультурные процессы в конце древности и раннем средневековье на территории всего Верхнего Приобья, где степной Алтай такая же провинция, как и другие территории. При этом каждая из входящих в этот ареал территорий имела своё «культурное и этническое лицо», обусловленное многочисленными факторами, одними из которых были этно- и культурогенез на сопредельных территориях, в том числе и на территории лесостепного Алтая.

Во введении (стр. 7) автор утверждает: «Несомненно, что все культурогенетические процессы связаны с миграционными, которые также необходимо исследовать». Позволю не согласиться с этим постулатом. Культурогенетические процессы протекают под воздействием многочисленных факторов (например: взаимная аккультурация, хозяйственная деятельность, семейно-брачные отношения и др.). При этом миграции, несомненно, как правило, сильно стимулируют и ускоряют динамику культурогенетических процессов.

В первой главе автор пишет, что: «История лесостепного Алтая I тысячелетия представлена фрагментарно, в большом количестве статей, публикующих материалы отдельных археологических памятников, либо в работах глобального, обобщающего плана, игнорирующих или даже фальсифицирующих конкретику». Невольно задаешься вопросом, откуда автор исследования при характеристике проблем знает конкретную историю региона? Откуда такая оценка ведь он только вначале исследования? Вызывает вопрос и утверждение, что «основной акцент в диссертационном исследовании будет сделан именно на поселенческих комплексах и основном источнике, которым они представлены, – керамике», что противоречит о заявленном автором системном подходе к археологическим материалам.

При оценке текста первой главы складывается двоякое видение. Проблемный подход, использованный автором, безусловно, новое в исследовании археологии Верхнего Приобья конца I тыс. н.э. – I тыс. н.э., но

в тоже время оценки и трактовки автором отдельных материалов и научных гипотез других исследователей весьма субъективны и бездоказательны. Представляется, что традиционный историографический обзор с обозначенными в заключении «проблемами», о которых повествует автор, был бы более эффективным с точки зрения доказательности авторской точки зрения и восприятия последующих разделов диссертационного исследования. Могу продемонстрировать это на своем примере. Автор пишет, что предложенная нами в 1993 году идея исследования раннесредневековых археологических объектов в рамках верхнеобской этнокультурной общности страдает глобализмом, но в последующем мы «исправились» и стали изучать их в рамках археологической культуры. С точки зрения проблемного подхода это вполне допустимо, а вот с позиции историографии такая последовательность использования обобщающих археологических категорий была обусловлена объективным фактором – наличием малой базы источников и процессом их накопления. Накопление источников позволило выделить в Кузнецкой котловине саратовскую археологическую культуру только в 2002 году, археолого-этнографические комплексы (2003 год) и проводить их исследование в рамках ранее выделенной верхнеобской этнокультурной общности (1993 год), в состав которой, по нашему мнению входит и одинцовская культура степного Алтая.

В первом разделе «Поселения» второй главы не понятно, что представляли собой в социальном отношении выделенные группы, и на каком основании сделан вывод о том, что они являлись единицами более крупного социального организма. На стр. 65 автор делает вполне обоснованные выводы, связанные с хозяйственной деятельностью населения алтайского варианта кулайской культуры, но при этом нет ссылок на археологические предметы из приложения, которые бы подтверждали их.

В четвертом разделе «Проблемные вопросы интерпретации источников» третьей главы автор утверждает, что археологический материал из

памятников Горного Алтая и Кузнецкой котловины демонстрирует наличие достаточно большого количества культурных новаций именно восточного происхождения (стр. 179). По первой территории можно согласиться, а вот Кузнецкая котловина тоже была под прозападным гуннским воздействием, как составная часть Верхнего Приобья. Об этом свидетельствуют находки Терехинского клада и находки предшествующего периода из объектов фоминской культуры по Ю.В. Ширину.

В первом разделе «Поселения» четвертой главы автор констатирует, что с развитием одинцовской культуры происходит усложнение социального устройства общества, приведшее к объединению близкородственных коллективов с общественной формой собственности в более крупные родственные образования, в которых появилась необходимость хозяйственного выделения отдельно взятой семьи» (стр. 196). Мне представляется, что это можно интерпретировать как появление соседской общины, а не родственной в поступательном эволюционном процессе, что могло привести к огораживанию внутри поселений и городищ.

В пятой главе высказанные гипотезы о миграции на территорию лесостепного Алтая кулайцев из Томского Приобья и потчевашцев из Среднего Прииртышья представляются незавершенными. Первая по той причине, что практически отсутствуют информация о кулайских материалах конца I тыс. до н.э. на территории Кузнецкой котловины и пока не будет закрыта эта лакуна, вопрос остается открытым. Для второй гипотезы, по моему мнению, мало материалов для её доказательства.

Обращает на себя внимание отсутствие в списке литературы диссертационного исследования Сайберт В.О. с близкой тематикой.

В работе часто используются «мусорные» модные иностранные термины «модальность», «инклюзия» и т.п. которые не раскрывают содержания авторского повествования и являются «чужеродными» для языка археологического повествования. Автору необходимо избавиться от этих

модных штампов и в дальнейшем оперировать научным слогом русского языка, который наиболее точно передает мысль автора. Во всех разделах диссертационного исследования очень часто повествуется об использовании методов «как качественного, так и количественного анализа с последующей их корреляцией». Обычно исследование идет от количества исследованных эмпирических источников к более качественному теоретическому знанию, а не их корреляции. Какие конкретные методы использовались непонятно. Что стоит за выражением «качественные и количественные методы исследования» знает лишь один автор.

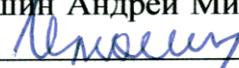
Высказанные нами замечания и пожелания не меняют общей положительной оценки выполненного диссертационного исследования.

Диссертационная работа «Культурогенетические и миграционные процессы на территории Лесостепного Алтая в I в. до н.э. – VIII в. н.э. (по археологическим источникам)», представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология отвечает критериям пунктов 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а её автор Казаков Александр Альбертович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Официальный оппонент
15.05.2024 г.

Илюшин Андрей Михайлович

Доктор исторических наук
по специальности 07.00.06 – археология,
доцент археологии
Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.
Горбачева, кафедра истории, философии и социальных наук, профессор
650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28,
Телефон/факс: 8 (3842) 39-69-60
Адрес электронной почты: ilushin1963@mail.ru

Подпись Илюшина А.М.
ЗАВЕРЯЮ
начальник отдела управления делами
"15" 05 2024 г.